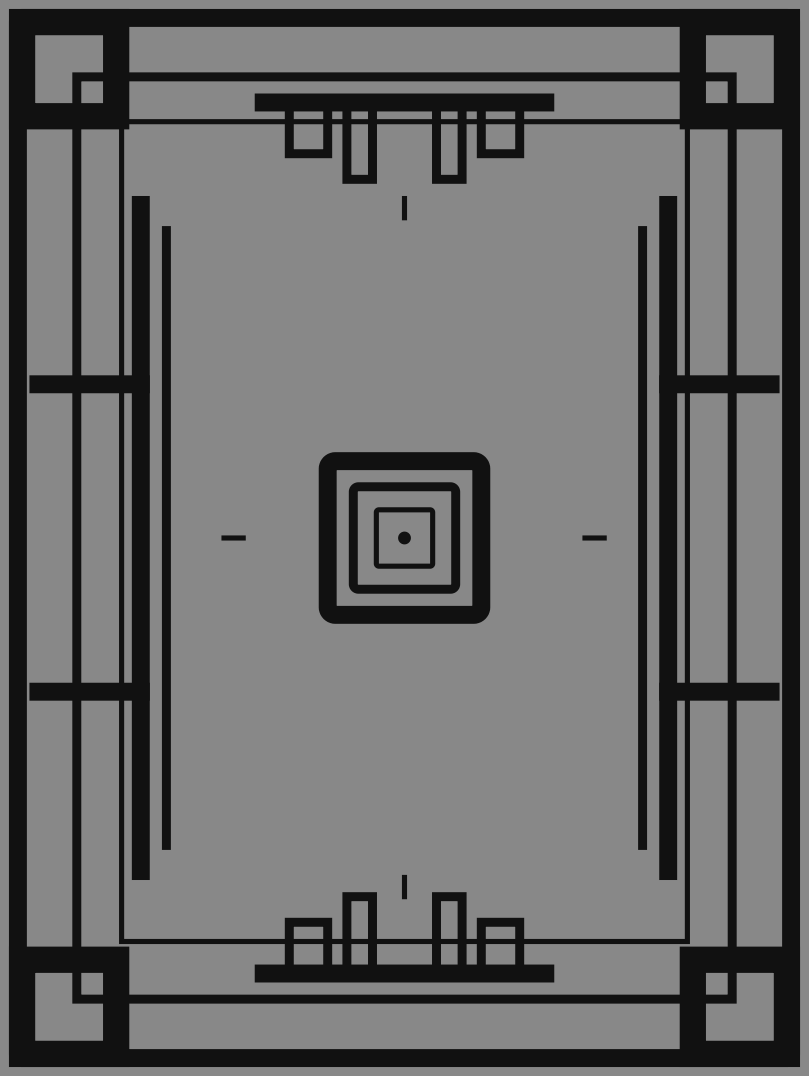

Защита Тараскона
Альфонс Доде

Альфонсъ Доде. Защита Тараскона
Орѳеоны
Кавалькады
Такъ прорывайтесь же!
Оборона клуба
Вольные стрѣлки
Кролики полевые и кролики-капустники
Прощальный пуншъ

Альфонсъ Доде
Защита Тараскона

Слава Богу! Наконецъ-то я получилъ вѣсти изъ Тараскона. Во все продолженіе войны я не жилъ, а только волновался!... Зная необыкновенную пылкость обитателей этого города и ихъ воинственный нравъ, я часто раздумывалъ самъ съ собой: "Что-то подѣлываетъ теперь Тарасконъ? Не поднялись ли поголовно его обыватели? Не обрушились ли они всею своею массой на варваровъ? Или и онъ подвергся бомбардировкѣ, какъ Страсбургъ, и всѣмъ ужасамъ голода, какъ осажденный Парижъ? Не сгорѣлъ ли до-тла, какъ Шатодёнъ? А, можетъ быть, въ порывѣ грознаго патріотизма, онъ взорвалъ себя, какъ Лаопъ и отчанный гарнизонъ его цитадели?..." Ничего подобнаго, друзья мои, неслучилось. Тарасконъ не сгорѣлъ до-тла, Тарасконъ не взлетѣлъ на воздухъ. Стоитъ онъ цѣлъ-цѣлехонекъ среди своихъ зеленыхъ виноградниковъ. Его улицы, по-прежнему, преизобильно залиты лучами благодатнаго солнца, погреба полны добрымъ мускатнымъ виномъ, и Рона, орошающая эти мидыя мѣста, по-прежнему, уноситъ къ морю отраженіе счастливаго городка, съ зелеными жалузи на окнахъ, съ чистенькими садиками подъ окнами и съ милиціонерами въ новенькихъ мундирахъ, марширующими по набережной.

Не подумайте, однако, будто Тарасконъ ничего не дѣлалъ во время войны. Напротивъ, онъ велъ себя удивительно, и его геройская защита, про которую я попытаюсь вамъ разсказать, займетъ подобающее мѣсто на страницахъ исторіи, какъ образецъ мѣстнаго сопротивленія иноземному вторженію, какъ живой типъ защиты юга Франціи.

Орѳеоны

И такъ, я начинаю. До Седана наши храбрые тарасконцы посиживали преспокойно дома. Для нихъ, гордыхъ дѣтей альпійскихъ холмовъ, тамъ, на сѣверѣ, не отечество гибло, — тамъ гибли солдати императора и съ ними погибала имперія. Но вотъ наступило 4 сентября, провозглашена республика… Аттила подъ стѣнами Парижа!… О, тогда… тогда Тарасконъ поднялся и показалъ, что такое національная война. Началось дѣло, само собою разумѣется, съ демонстраціи орѳеонистовъ. Вы знаете, какъ страстно любятъ музыку на югѣ. Въ Тарасконѣ же въ особенности эта страсть доходитъ до ума помраченія. Тамъ, когда вы идете по улицѣ, всѣ окна поютъ, со всѣхъ балконовъ васъ обдаютъ романсами. Въ какую бы лавку вы ни вошли, за прилавкомъ вѣчно стонетъ гитара, даже аптекарскіе ученики подаютъ вамъ лѣкарство, напѣвая Солосья или Испанскую лютню… Тра-ля… ля-ля-ля… Но тарасконцы не довольствуются такими концертами про себя, у нихъ есть городской оркестръ, школьный оркестръ и — ужъ не знаю, право, сколько

филармоническихъ обществъ — орѳеоновъ.

Орѳеонъ Сенъ-Христифа и его прекрасный трехголосый хоръ: Спасемъ Францію, — первые дали толчекъ національному воодушевленію.

— О, да... да, спасемъ Францію! — закричалъ весь Тарасконъ, махая изъ оконъ платками.

Мужчины рукоплескали, не щадя ладоней, женщины посылали воздушные поцѣлуи музыкантамъ и пѣвцамъ, стройными рядами, съ своею хоругвью во главѣ, проходившимъ по городскому кругу, гордо отбивая шагъ въ тактъ музыкальнаго мотива. Толчекъ былъ данъ. Съ этой минуты городъ точно переродился: не слышно стало гитары, забыта баркаролла. Испанская лютня уступила мѣсто Марсельезѣ, и два раза въ недѣлю происходила давка изъ-за того, чтобы послушать школьеый оркестръ, разыгрывавшій Le Chant du Départ [1]. За стулья платились безумныя цѣны.

Но этимъ тарасконцы не ограничились.

---

[1] Примечания: 1

"Пѣсня передъ походомъ".

Кавалькады

За демонстраціями орѳеоеистовъ послѣдовали "историческія кавалькады" въ пользу раненыхъ. Нельзя было безъ восторга видѣть, какъ славная тарасконская молодежь, въ мягкихъ цвѣтныхъ сапогахъ въ обтяжку, отправлялась каждое воскресенье по городу отъ одной двери къ другой собирать подаяніе и гарцовать по улицамъ съ огромными алебардами въ рукахъ. А всего восхитительнѣй былъ патріотическій карусель: Франциск I въ сраженіи при Павіи, — данный членами клуба на Эспланадѣ и повторявшійся три дня сряду. Кто не видалъ этого каруселя, тотъ ничего не видалъ въ жизни. Костюмы были взяты напрокатъ изъ марсельскаго театра. Золото, шелкъ, бархатъ, расшитыя знамена, щиты съ гербами, страусовыя перья, конскіе уборы, ленты и банты, стальные наконечники копій, шлемы и латы, — все это блестѣло, пестрѣло, переливалось всевозможными цвѣтами подъ яркимъ солнцемъ, развѣвалось и искрилось подъ порывами горячаго вѣтра. Это было нѣчто невообразимо-великолѣпное. Къ сожалѣнію, когда,

послѣ ожесточеннаго боя, Францискъ I, — господинъ Бонпаръ, буфетчикъ клуба, — окруженный толпами враговъ, вынужденъ сдаться въ плѣнъ, несчастный Бонпаръ швырнулъ свою шпагу съ такимъ загадочнымъ жестомъ, что казалось, будто, вмѣсто знаменитой фразы: "все потеряно, кромѣ чести", — онъ хотѣлъ сказать: "отвяжись ты, милый человѣкъ, отъ меня, пожалуйста!"... Но тарасконцы народъ не придирчивый изъ-за такихъ пустяковъ, и всѣ глаза были увлажены патріотическою слезой.

Такъ прорывайтесь же!

Эти представленія, пѣсни, солнце, блескъ Роны, опьяняющій воздухъ зеленыхъ холмовъ взбудораживали всѣ головы. Воззванія правительства довели ихъ до настоящаго изступленія. Съ свирѣпымъ и угрожающимъ видомъ встрѣчались обыватели другъ съ другомъ на Эспланадѣ, говорили, стиснувши зубы, точно во рту у нихъ заготовлены смертоносныя пули. Въ самомъ воздухѣ чудился запахъ пороха. Въ особенности же надо было послушать нашихъ пылкихъ тарасконцевъ за завтракомъ въ театральной кофейной:

— Позвольте, однако! Чего же они сидятъ тамъ въ Парижѣ съ этимъ пенькомъ Трошю? Вылазками пробавляются... Попробовали бы нѣмцы сунуться къ Тараскону!... Тр-р-рахъ!... Мы бы показали, какъ прорываются!

И пока Парижъ давился своимъ овсянымъ хлѣбомъ, тарасконскіе герои благополучно кушали жирныхъ куропатокъ и запивали ихъ добрымъ папскимъ виномъ; сытые, лоснящіеся отъ жира, чуть не съ ушами купаясь въ ароматныхъ соусахъ, они, какъ оглашенные, стучали кулаками

по столамъ и орали во все горло: "Коли прорываться, такъ прорывайтесь же, чортъ возьми!..."

И они были правы, совершенно правы!

Оборона клуба

Между тѣмъ, нашествіе варваровъ съ каждымъ днемъ подвигалось на югъ. Дижонъ сдался, Ліонъ былъ въ опасности, уланскіе кони жадно ржали, зачуявши ароматъ роскошныхъ луговъ Роны.

— Надо подумать о средствахъ обороны, — рѣшили тарасконцы и тотчасъ же принялись за дѣло.

Въ какой-нибудь часъ времени городъ былъ блиндированъ, баррикадированъ, казематированъ. Каждый домъ превратился въ крѣпость. Лавка оружейника Костекальда была защищена рвомъ, метра въ два шириной, съ водой выше колѣнъ и съ подъемнымъ мостомъ, премило устроеннымъ. У клуба оборонительныя работы приняли такіе значительные размѣры, что на нихъ сходились посмотрѣть любопытные. Буфетчикъ, г. Бонпаръ, съ ружьемъ шаспо въ рукахъ, стоялъ на верху лѣстницы и давалъ объясненія дамамъ:

— Если они пойдутъ отсюда, — пафъ! пафъ!... Если же, напротивъ, вздумаютъ наступать съ этой стороны, тогда — бацъ! бацъ!...

На улицахъ всѣ останавливали другъ друга, чтобы сообщить съ таинственнымъ видомъ:

— Знаете, театральная кофейная совершенно неприступна.

Другіе по секрету шептали:

— Слышали? Сегодня заложены торпеды подъ Эспланаду.

Словомъ, варварамъ было надъ чѣмъ призадуматься.

Вольные стрѣлки

Въ то же время съ необычайнымъ увлеченіемъ организовались партіи вольныхъ стрѣлковъ. Братья смерти, Карбонскіе шакалы, Ронскіе мушкетеры... и какихъ-какихъ именъ еще не было, какими цвѣтами ни пестрѣли ихъ костюмы, султаны изъ пѣтушиныхъ перьевъ, гигантскія шляпы, невообразимой ширины пояса! Чтобы придать себѣ наиболѣе страшный видъ, вольные стрѣлки поотпустили бороды и усы, такъ что на гуляньѣ знакомые не узнавали другъ друга. Подходитъ къ вамъ издали какой-то бандитъ Абруццкихъ горъ, — усы крючками, глаза мечутъ искры и пламя, гремятъ сабли, револьверы, ятаганы, — но вотъ онъ близко, и оказывается совсѣмъ не разбойникъ, а сборщикъ податей Пегулядъ. Или встрѣчаете вы на лѣстницѣ самого Робинзона Крузое персонально, въ его собственной, робинзоновой остроконечной шляпѣ, съ его тесакомъ-пилой у пояса, съ двумя мушкетани на каждомъ плечѣ, а на повѣрку выходитъ, что это оружейникъ Костекальдъ возвращается домой съ обѣда. Дѣло кончилось тѣмъ, что, стараясь при-

дать себѣ наиболѣе свирѣпый видъ, тарасконцы нагнали такого страха другъ на друга, что скоро никто уже не сталъ осмѣливаться выходить изъ дома.

Кролики полевые и кролики-капустники

.

Декретъ временнаго правительства въ Бордо объ организаціи національной гвардіи прекратилъ, наконецъ, это невыносимое положеніе. Отъ могучаго дуновенія тріумвировъ фю-фюить! улетѣли пѣтушиныя перья, и всѣ тарасконскіе вольные стрѣлки, — шакалы, мушкетеры и прочіе, — исчезли въ рядахъ батальона самыхъ обыкновенныхъ милиціонеровъ, подъ командой храбраго генерала Бравиды, бывшаго начальника гарнизонной швальни. Бордосскій декретъ, какъ извѣстно, устанавливалъ два разряда для національной гвардіи: подвижной и мѣстной гвардіи, — "кроликовъ полевыхъ и кроликовъ-капустниковъ", какъ съострилъ сборщикъ податей Пегулядъ. Вначалѣ на долю полевыхъ національныхъ гвардейцевъ выпала лучшая роль, конечно. Каждое утро храбрый генералъ Бравида выводилъ ихъ на ученье со стрѣльбой на Эспланадѣ и проходилъ съ ними стрѣлковую школу: "ложись! вставай!"... и такъ далѣе, все какъ быть должно

по формѣ. Эти маленькія войны привлекали всегда множество зрителей. Тарасконскія дамы не пропускали ни одного ученья, и даже обитательницы Бокера переходили иногда черезъ мостъ полюбоваться на нашихъ кроликовъ. Тѣмъ временемъ національные гвардейцы-капустники скромно несли гарнизонную службу въ городѣ и стояли на караулѣ у музея, въ которомъ и караулить-то было нечего, кромѣ большой ящерицы, набитой мохомъ, и двухъ фальконетовъ временъ добраго короля Рене. Само собою разумѣется, что изъ-за такой малости бокерскія дамы не стали бы переходить моста... Прошло, однако, три мѣсяца въ военныхъ экзерциціяхъ со стрѣльбой, и публика замѣтила, что полевые національные гвардейцы все еще топчутся на мѣстѣ, не дѣлаютъ ни шагу съ Эспланады, и общій энтузіазмъ началъ ослабѣвать.

Сколько ни кричалъ своимъ кроликамъ храбрый генералъ Бравида: "Ложись! вставай!" — на нихъ уже никто не приходилъ смотрѣть. Скоро въ городѣ начали даже подсмѣиваться надъ этими военными упражненіями. А чѣмъ же виноваты были несчастные кролики, если ихъ не отправляли въ походъ?... Разъ они даже отказались совсѣмъ отъ ученій.

— Конецъ этимъ парадамъ! — кричали они съ патріотическимъ рвеніемъ. — Мы полевые, такъ и ведите же насъ въ поле!

— И поведутъ... или я не я буду! — отвѣтилъ имъ храбрый генералъ Бравида и, весь пылая негодованіемъ. отправился въ мерію требовать объясненій.

Въ меріи сказали, что на этотъ счетъ не получалось никакихъ распоряженій и обратиться слѣдуетъ въ префектуру.

— Въ префектуру, такъ въ префектуру, — рѣшилъ Бравида и съ первымъ курьерскимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Марсель на поиски префекта.

А такіе поиски представлялись дѣломъ совсѣмъ не легкимъ, такъ какъ въ Марсели были въ постоянномъ засѣданіи пять или шесть префектовъ и не было ни одного человѣка, могущаго указать, къ которому слѣдуетъ обращаться. По необыкновенно счастливой случайности, Бравида сразу изловилъ кого ему было нужно и въ полномъ засѣданіи совѣта префектуры заговорилъ отъ имени своихъ подчиненныхъ съ достоинствомъ, приличествующимъ бывшему начальнику гарнизонной швальни. Съ первыхъ же словъ префектъ перебилъ его:

— Извините, генералъ. Но я бы попросилъ васъ

объяснить, какъ это случилось, что ваши солдаты требуютъ отъ васъ вести ихъ въ походъ, а меня просятъ не трогать ихъ съ мѣста?... Вотъ читайте сами!

И префектъ, улыбаясь, подалъ ему слезное прошеніе двухъ полевыхъ кроликовъ, двухъ, наиболѣе азартно требовавшихъ отправленія въ походъ. Прошеніе только что было получено въ префектурѣ съ приложеніемъ свидѣтельствъ врача, приходскаго священника и нотаріуса, и въ этомъ прошеніи кролики умоляли перевести ихъ въ разрядъ капустниковъ по ихъ полной немощности и неспособности къ полевой службѣ.

— У меня больше трехсотъ такихъ прошеній, — говорилъ префектъ, продолжая улыбаться. — Теперь вы понимаете, генералъ, почему мы не торопимся отправлять въ походъ вашу команду. Къ несчастью, и безъ того уже слишкомъ много было отправлено такихъ, которымъ всего желательнѣе было оставаться дома. Довольно съ насъ, больше не требуется... А за симъ, спаси Господь Францію, и — мое почтенье вашимъ кроликамъ!

Прощальный пуншъ

Нечего, кажется, говорить о томъ, въ какомъ плачевномъ настроеніи вернулся храбрый генералъ въ Тарасконъ. Но тутъ его ждала совсѣмъ неожиданная исторія: въ его отсутствіе тарасконцы порѣшили устроить по подпискѣ прощальный пуншъ для отправляющихся на войну кроликовъ. Напрасно увѣрялъ доблестный Бравида, что не стоитъ затѣвать никакихъ пуншей, такъ какъ никто никуда не пойдетъ, — подписка уже состоялась, и пуншъ былъ заказанъ; оставалось только его распить, — его и роспили. Въ слѣдующее же воскресенье вечеромъ въ залахъ меріи происходила трогательная церемонія съ прощальнымъ пуншемъ, и до бѣлой зари тосты и виваты, рѣчи и патріотическія пѣсни потрясали муниципальныя стекла. Каждый отлично зналъ, разумѣется, настоящее значеніе этого прощальнаго банкета; національные гвардейцы-капустники, платившіе за пуншъ, были твердо увѣрены, что ихъ товарищи никуда не отправятся; въ томъ же были убѣждены и пившіе его полевые кролики, а также и почтенный помощникъ командира,

растроганнымъ голосомъ клявшійся передъ этими храбрецами, что онъ готовъ вести ихъ въ бой, зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, что никто не двинется съ мѣста... Но все равно! Такой ужъ необыкновенный народъ эти южане: съ концу прощальнаго пиршества всѣ плакали, всѣ обнимались и, что всего замѣчательнѣе, всѣ были совершенно искренни, даже самъ генералъ.

Въ Тарасконѣ, какъ и на всемъ югѣ Франціи, я часто наблюдалъ такія вліянія миражей.